

ЛИЦО НЕДЕЛИ



«Сан Саныч был очень ревнивым —
могу десять раз это повторить.
Он подглядел, что я веду тайные записи,
и нашел книжечку.

Мы стали бороться, я хотела выкинуть ее на улицу,
а она упала на балкон ниже этажом.
Броневицкий побежал туда, схватил ее и все прочитал».

Однажды маленькая Дита с мамой пошла в костел в поселке Богушев под Вроцлавом, где росла, и услышала детский хор. Поддавшись сиюминутному желанию, она запела вместе с ним и вдруг поняла, что голос ее звучит выше и громче, чем у других ребят. «Молодец, — похвалила мама, — ты пела громче всех!» С этого момента судьба Эдиты П'ехи была определена: триумфальное шествие по хорам Польши и России, встреча с Александром Броневицким и ансамблем «Дружба», сольная карьера и покорение вершин. Отдав четыре десятилетия сцене, Эдита П'еха остается одной из самых обаятельных и привлекательных женщин на нашей эстраде. ТВ Польша — 1997. — 30 июня. — С 8:10

— Эдита Станиславовна, вас когда-нибудь обижали во благо? Я подозреваю, что именно Броневицкий был человеком, который пытался «выжить» из вас максимум таким способом.

— Люди, которые мало знали Броневицкого, считали его хамом. Да, характер у него был стервозный, деспотичный, он готов был любыми средствами добиваться аплодисментов. Но хамом он не был. Он дрессировал «Дружбу» и меня тоже. Говорил, зная, что это разозлит меня: «Ты ужасно некрасивая!». И я искала в журналах фотографии кинозвезд, сравнивала, соображала: может, мне глаза подрисовать, как у Софи Лорен? Грим, в основном, «слизывала» с Софи Лорен и с Лоллобриджиды, очень они мне нравились. Броневицкий говорил: «Ты сутулая. Как ты ходишь по сцене?». И я присматривалась, как «плавают» балерины. Он кричал, что я два дня подряд фальшиво пою, и я нашла огромный магнитофон-гроб «Весна» и просила университетских друзей на концертах записывать меня. А потом не поленилась, нашла педагога по вокалу и занималась тайком от Броневицкого. Да, я глотала слезы, но понимала, что ему нужно цель оправдывать средствами. В конце концов он отстал от меня, когда я обрела основы профессионализма и мне стало легче отвечать ему.

— А была ли в начале ваших личных отношений хотя бы малая долга pragmatizma?

— По крайней мере, начиналось все не с этого. Броневицкий услышал меня в хоре, ему понравилось, как я пою. Я солировала в «Дружбе» уже год с лишним, когда появилась еще и кубинка, которая ему тоже нравилась как певица. Но потом наши с ним отношения переросли в более близкие, и кубинки не стало, я ее «выжила». Все мы так устроены, что хотим держать пальму первенства. Я изначально была единственной девушкой в мужском молодежном ансамбле, и мне никак не хотелось, чтобы появилась вторая.

— «Чувство локтя» с поклонницами Александра Александровича доводилось испытывать?

— Еще бы! Его поклонницы по телефону крыли меня семистальным матом и на лестнице писали всякие гадости. Они были фанатично в него влюблены. Вначале я переживала, а потом поняла, что ничего нельзя сделать. Научилась не подходить к телефону или молчать, когда брала трубку. Я довольно быстро уяснила, что если хоть раз отвечу на их языке, то уподоблюсь им. Поэтому делала вид, что не понимаю: «Я плохо понимаю по-русски». Еще мне присыпали открытки типа: «Сколько можно тебя слушать? Ты — никто». Я очень расстраивалась. Однажды показала несколько таких посланий режиссеру Полячеку, а он сказал: «Радуйся! Если бы ты была никто, таких писем не присыпали бы».

— А вы сами влюблялись, хотя бы чисто платонически, в артистов?

— Это было в начале 60-х, у меня уже родилась дочка. В Союз приехал из Франции певец Энрико Массиас. Он был хорош собой — алжирец или марокканец, пел по-французски, очень темпераментно, экспрессивно. Мне это страшно нравилось! Самой было неудобно выходить на сцену, и я дарила ему



70-е годы

ЭДИТА ПЬЕХА



С А. Броневицким

цветы через билетеров. Сначала смотрела на него именно как на мужчину, но потом захотелось иметь его пластинки, которых у нас, естественно, не продавали. Я осмелилась прийти к певцу в гримерную, на плохом французском объяснила ему, что тоже пою и хотела бы исполнять его песни. Массиас сказал, что сейчас у него нет с собой пластинок, и дал свой телефон в Париже. Потом я еще раз пришла к нему в гримуборную, принесла цветы — вот какая дурочка! — и говорю:

«Запомните, пожалуйста, что меня зовут, как и вашу великую певицу, — Эдит».

Он отвечает: «Хорошо, хорошо». И вот, представьте себе, недели через две звоню в Париж. Подходит к телефону какой-то дядька. Я представляюсь, говорю, что Энрико разрешил мне позвонить. Слышишь: «Подождите у телефона — сейчас спрошу». Потом дядька возвращается и говорит: «Он такую не знает».

И тогда я подумала: «Боже ты мой! Как плохо быть поклонницей!».

— Вы иногда производите впечатление человека наивного...

— Да, это есть, к сожалению. Наверное, моя наивность идет оттого, что я закомплексованная. Французская школа воспитывала очень сурово, польская — требовательно, и это сформировало во мне комплекс, что я многого не умею. Например, в компании не могу быть свойским человеком. Чего нельзя было сказать о Броневицком или, сейчас, о моем муже, Владимире Петровиче, — он такой компанейский. Я же обычно сижу как мышка, а артисты говорят, что Пьеха держится особняком. Но это оттого, что я боюсь показаться смешной. Всякое время диктует свои правила общения, я, к сожалению, — человек старомодный.

— Кто ваш нынешний избранник?

— Владимир Петрович Поляков. Он работает в администрации Президента, в прошлом — журналист-международник, всю жизнь мечтавший сочинять музыку. Он написал для меня три песни, я их пою в концертах.

— Внуки сейчас живут с вами?

— Со мной живет только Стасенька, я его жалела, потому что он очень долго был обделен. Моя дочь Илонка, будучи студенткой театрального института, конечно, не могла ему дать много. Он летал со мной на гастроли, почти весь Союз объездил. Эрика, моя любимая внучка, живет с родителями второго мужа Илоны, а ко мне приезжает в гости. Я не вижу здесь ничего зазорного, для артистов — это, наверное, норма: «подкидывать» детей бабушкам и дедушкам. Во всяком случае это лучше, чем совсем их не иметь. Бездетные артисты — несчастны. Мне ведь тоже помогала воспитывать Илону до пятнадцати лет ее бабушка, Эрика Карловна, за что я ей очень благодарна.

— Часто ли вы совершали необдуманные поступки, поддавшись сиюминутному настроению?

— Бывало. Однажды мы выступали в большой программе вместе с тогда молодым композитором Станиславом Пожлаковым. Вот пусть он меня услышит! Он очень хорошо играл на саксофоне и еще пел. И я в него так же, как позже в Энрико Массиаса, влюбилась. С той лишь разницей, что вздыхала по нему тайком и только писала в записной книжке: «Слава, ну почему ты не подойдешь



Шестилетняя Илона с папой и мамой



«Человек идет и улыбается, значит, человеку хорошо...»

ко мне, но почему не скажешь: «Здравствуй, я так переживаю». А эту книжечку прятала где-то под кроватью. Сан Саныч был очень ревнивым — могу десять раз это повторить. Он подглядел, что я веду тайные записи, и нашел книжечку. Мы стали бороться, я хотела выкинуть ее на улицу, а она упала на балкон ниже этажом. Броневицкий побежал туда, схватил ее и все прочитал. Я говорю: «Как тебе не стыдно, это же не тебя касается!». Он: «Ну ты ж мне изменяешь!». Я: «Я не изменяю, а только взываю...». Расплакалась, выбежала на улицу, схватила такси. А это было в Ялте. Кричу водителю: «Везите меня в Симферополь, в аэропорт!». Тот на меня смотрит: двенадцать часов ночи, девушка одна, вся в слезах. «Хорошо», — говорит. Но я ему все рассказала, и на полпути этот человек повернулся обратно: «Пусть ваш муж и ревнивый, но разбирайтесь с ним сами». Конечно, вернулась я как побитая. С Броневицким мы долгое время не разговаривали.

— А почему вы расстались?

— Сан Саныч был очень яркой личностью, ему хотелось делать больше, чем в то время позволялось. Он был очень талантлив, и хотя я себя тоже бездарностью не считаю, я за него просто не успевала. Мы прожили вместе двадцать лет, правда, последние три года — в довольно прохладных отношениях. Я устала слушать бесконечные «надо, надо, надо» и однажды положила этому конец.

— Какие впечатления у вас остались от опыта работы в кино?

— В шестьдесят девятом году я снималась в фильме «Судьба резидента», и по сценарию у моей героини с персонажем актера Вергоградова должна была быть, говоря современным языком, эротическая сцена! Так я три дня ходила за режиссером Дорманом и стонала: «Ну как же я буду лежать в постели с человеком, которого даже не знаю?!». Эта сцена казалась мне абсолютно невозможной, и в конце концов я уговорила режиссера. Он сжался: «Ладно,

С внуками Ерикой и Стасенькой



Грация



Дома



ограничиваясь поцелуем». Еще в фильме «Бриллианты для диктатуры пролетариата» я играла французскую шпионку и пела очень красивый романс. Мечтала сыграть личность, пережить чью-то судьбу, но опять не получилось. И тогда мне это надоело.

— Что-нибудь забавное происходило на съемочной площадке?

— Да, в фильме «Неисправимый лгун», где я играла саму себя, по сценарию я должна была наехать (машиной) на Георгия Вицина. Те, кто видел фильм, уверены, что я хорошо вожу автомобиль, тогда как на самом деле его толкали сзади, а я просто держалась за руль.

— И со своей «Волгой» вы до сих пор не научились управляться?

— Я очень, очень завидую женщинам, которые сами водят машину! Раньше эмансипированная женщина должна была уметь скакать на лошади, а сегодня должна водить машину. Так я считаю, но сама, к сожалению, не умею.

— То есть можно сделать вывод, что вы женщина не эмансипированная. А любите ли вы, например, готовить?

— Гарантирую вам, что ни Софи Лорен, ни Элизабет Тейлор не сказали бы, что любят готовить. Но ярослая в простой шахтерской семье, и мама меня многому научила. Очень люблю драники, сама их делаю. Еще люблю грибные блюда готовить, с шампиньонами у меня хорошо получается. Сегодня я очень редко подхожу к плите, но успела передать свое умение близким. По пути к себе на «фазенду», в маленький домик из трех комнат в садоводстве на Мурманском шоссе, всегда покупаю у крестьян мясо, овощи «не из магазина», чтобы мои домашние смогли приготовить что-нибудь особенное.

— Есть ли в вашем доме «братья меньшие»?

— Конечно. Вилли — французский бульдог. У него довольно сложный характер, в связи с тем, что в доме бывает много народа. Глаза разбегаются, поэтому он немного агрессивно себя ведет. А меня Вилли очень любит. Когда болею, он неотлучно сидит у моей кровати.

— Вы можете распознать сразу: от души вам говорят хорошие слова или из корысти?

— Конечно. Интуиция у меня хорошая. Когда кто-то начинает говорить до тошно ты много хороших слов, бывает так неловко. Я сразу думаю: плохой человек, лицемер. Предпочитаю общаться с людьми, которые спокойно высажут замечание, посоветуют. Такие люди, как правило, становятся моими друзьями.

— Эдита Станиславовна, вы ревнуете эстраду к молодым исполнителям?

— Ну, это же бесполезно. Я пережила уже три поколения нашей эстрады, и, слава Богу, меня еще не отправляют на покой, еще есть публика, которая меня от этого покоя охраняет. Сколько я получаю писем, в которых пишут, что не переживут, если я их покину! Молодежь — это хорошо, и я тоже была «молодежью», которую не понимали и не признавали. Нас с «Дружбой» очень сильно ругали. Я не понимаю очень многих молодых артистов, но признаю их право постоять на сцене. Поэтому сегодня меня не волнуют ни конкуренция, ни борьба, ни то, чтобы кому-то под бок дать: иди отсюда, это мое место. У меня есть свое место, слово «звезда» — для меня уютное и престижное одновременно. Я предпочитаю летать на большой высоте, там чище воздуха.

Ирина Евсеева